

Отзыв

официального оппонента о диссертации Шилихиной Ксении Михайловны «Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты», Воронеж, 2014, представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка

Традиционно привлекавший внимание лингвистов процесс передачи сложных смыслов, лишенных внеконтекстуальных средств выражения, приобретает особую значимость в ситуации интенсивного развития компьютерного моделирования коммуникации. Не случайно всего за несколько месяцев до защиты квалификационного исследования К.М. Шилихиной в прессе появилась информация о том, что Агентство национальной безопасности США объявило конкурс на разработку программного обеспечения, способного распознавать сарказм в сообщениях в социальных сетях. Известно, что ирония и сарказм сочетают семантическую и прагматическую нагруженность с затрудненной декодируемостью. В них не только концентрируются социально значимые смыслы (мировосприятие, гражданская позиция, отношение к власти и т.п.). Неспособность к дифференциации иронических и неиронических высказываний служит средством диагностики нарушений когнитивной деятельности (например, алкоголизм, ранние стадии болезни Альцгеймера, задержки развития у детей). На основании сказанного могу констатировать высокую актуальность диссертационного исследования К.М. Шилихиной.

Работа обладает теоретической значимостью, заключающейся в синтезе достижений ряда областей лингвистического знания (семантики, прагмалингвистики, лингвокогнитивистики, теории дискурса) применительно к феномену иронии, в расширении потенциала применения методов корпусной лингвистики для изучения сложных дискурсивных явлений, в уточнении особенностей функционирования механизмов кодирования и декодирования непрямого высказывания.

Несомненна практическая ценность работы, обусловленная перспективами ее применения в следующих областях:

а) в процессе преподавания ряда вузовских курсов (стилистики, лексикологии, лингвистики текста и др.) и спецкурсов;

б) при построении текстовых корпусов и разработке лингвистического программного обеспечения, ориентированного на распознавание и моделирование сложных стилистических феноменов;

в) в работе специалистов по литературному редактированию, спичрайтингу и копирайтингу.

Достоверность результатов, полученных К.М. Шилихиной, определяется следующим:

1) тщательностью в конструировании терминологического аппарата исследования, скрупулезной проработкой истории вопроса в различных отраслях лингвистики;

2) характерной для корпусной лингвистики качественной и количественной валидностью рассматриваемого материала (Хочу особо подчеркнуть сочетание анализа устного, письменного и гибридного компьютерно-опосредованного общения);

3) использованием совокупности методов, адекватных изучаемому материалу и цели исследования (семантический и контекстологический типы анализа, моделирование коммуникативного процесса, элементы количественного анализа).

Структура диссертации адекватна ее целям. Работа состоит из семи глав. В первой главе дается обзор теорий иронии, возникших в различные эпохи. Вторая глава посвящена существующим подходам к классификации иронии. В третьей главе обосновывается целесообразность применения методов корпусной лингвистики к исследованию иронии, а также приводятся данные о фреквентативности иронических тактик в изученном материале. В четвертой главе осуществлено позиционирование иронии в рамках коммуникативных модусов. Пятая, шестая и седьмая главы посвящены процессам рефлексии, дискурсивного порождения и понимания иронии.

Считаю необходимым отметить следующие характеристики и результаты исследования К.М. Шилихиной, определяющие его научную новизну и вклад автора в решение задач, имеющих социокультурное значение, т.е. соответствие критериям

квалификационной работы для получения ученой степени доктора наук:

1. Важнейшим вкладом диссертанта в развитие методов лингвистического познания является создание и апробация алгоритма использования данных корпусной лингвистики и результатов машинной обработки текста для количественного и качественного анализа речевых феноменов, не обладающих кодифицированными (и даже конвенционализированными) средствами выражения. Этот шаг можно оценить как прорыв в корпусной лингвистике, который в перспективе позволит вовлечь в сферу ее компетенции практически все типы коммуникативных единиц. Предложенная К.М. Шилихиной схема дискурсивной аннотации текстов, содержащих иронию, является готовым шаблоном для изучения различных стратегий общения.

2. Вызывает безусловное одобрение вовлечение в сферу исследовательских интересов дискурсоведения коммуникативной рефлексии, осуществляемой «наивными» носителями языка. Метакоммуникативный элемент общения, к сожалению, недостаточно часто привлекает внимание лингвистов. Применительно же к явлению иронии он изучен впервые. При этом именно метакоммуникация позволяет оценить степень компетентности отдельного носителя языка и «языковой вкус» говорящего коллектива. Кроме того, диссертанту удалось наглядно продемонстрировать, что метакоммуникативные элементы дискурса позволяют построить конкордансы сложных речевых феноменов и подвергнуть их дальнейшему компьютерному анализу.

3. Описание по схеме «рефлексия – порождение – интерпретация» представляется наиболее удачным подходом к анализу любого коммуникативного феномена, позволяющим увидеть все релевантные особенности его генезиса и функционирования. В этом плане исследование К.М. Шилихиной также является образцовым.

4. Наряду с названными общеметодологическими достоинствами работы автором получен ряд важнейших результатов, касающихся собственно дискурсивной практики иронии. К таковым результатам я отношу:

- доказательство первичности для иронии функции распределения статусов в процессе коммуникации и вторичности (опциональности) игровой функции;

- выделение семи базовых характеристик коммуникативной ситуации реализации иронии;

- демонстрация общей природы иронии как дискурсивной практики, применяемой в институциональном и внеинституциональном общении, реализуемой через любые каналы общения и базирующейся на универсальных механизмах когниции;

- определение сборки или реконструкции по схеме «высказывание+контекст+пресуппозиции» как основы адекватного декодирования иронического высказывания;

- выявление параметров метакоммуникативной оценки иронии коммуникантами.

Совокупность названных результатов позволяет констатировать, что в работе впервые построена завершенная и самодостаточная модель иронического дискурса как прагмакогнитивной системы.

Вопросы и замечания, возникшие у меня при чтении работы, немногочисленны и сводятся к следующему:

1. На мой взгляд, диссертант излишне категоричен в своей борьбе с «инструментальным» подходом в понимании иронии. Утверждая, что ирония есть сугубо дискурсивное явление, и отказывая ей в языковой природе (стр. 80), К.М. Шилихина впадает в противоположную вышеуказанному подходу крайность. Думается, что ирония все же обладает языковой природой, а ее значение в системе языка существенно выходит за рамки традиционного риторического понимания. Наличие у позитивно маркированных языковых единиц потенциала иронической инверсии вписывается в ряд других характеристик языковой системы (количественное доминирование в лексиконе единиц с негативной оценочностью, преобладание процесса семантической пейоративизации над мелиорацией) и определяет общую направленность языка на антиценности.

2. Довольно размытой представляется дихотомия *bona fide / non bona fide*, используемая в работе вслед за В. Раскиным. В большинстве случаев автор поясняет данные термины через прилагательные

серьезное и *несерьезное* (стр. 10, 80, 154, 161 и далее). Возникает вопрос: зачем использовать двух- и трехсловные графически неадаптированные латинские термины при наличии однословных аналогов в русском языке?

Сомнения вызывает и квалификация данных сущностей как модусов использования языка. Диссертант определяет модус следующим образом: «... такой режим коммуникации, который основан на определенных взаимоотношениях между участниками дискурса, высказыванием и положением дел в действительности. Взаимодействие между говорящим и адресатом может быть серьезным или игровым, замысел говорящего может совпадать с лингвистическим значением высказывания, а может и отличаться от него; наконец, само высказывание может соответствовать или не соответствовать положению дел в окружающем мире» (стр. 154, сноска 18). Неясно, каким образом потенциал взаимоотношений *трех* переменных может быть описано дихотомией, т.е. делением на *два* класса?

Искусственным представляется включение в число режимов *bona fide* лжи как феномена, рядоположенного юмору, иронии, сарказму и абсурду. Ложь при этом квалифицируется как высказывание, которое в максимальной (т.е. в большей, чем юмор, ирония и сарказм) степени не соответствует реальности (стр. 173-174). Полагаю, что ложь из всех названных коммуникативных явлений максимально приближена к реальности (правдоподобна).

Утверждение об абсолютной некооперативности лжи также вызывает сомнения. Сам диссертант вполне обоснованно критикует грайсовскую кооперацию как сугубо идеальную сущность (стр. 168), а затем зачем-то пытается ее использовать для анализа реальной коммуникации. В результате в первом положении, выносимом на защиту, заявлено, что модусы *bona fide* и *non bona fide* различаются степенью кооперативности говорящего, но в таблице 5 в один и тот же модус включены феномены, противопоставляемые по степени кооперативности (юмор и ложь).

Не могу согласиться с утверждением автора о том, что «дискурс *bona fide* является единственно допустимым во многих сферах деятельности (например, в юриспруденции)» (стр. 155). А как же вся

сфера судебного красноречия? Вспомним хотя бы ярчайший образчик иронии – знаменитую речь Ф.Н. Плевако о старушке, укравшей чайник.

3. Не вполне понятен статус второй главы в структуре исследования. Первая часть ее названия «Ирония в научной картине мира» заставляет воспринимать ее как соотносимую с пятой главой «Ирония в «наивной» картине мира». Читатель ожидает, что две эти картины будут подвергнуты сравнению, которое приведет к эксплицитным выводам об общем и различном в научной и наивной рефлексии иронии. Однако этого в работе нет. Вторая глава является обзором существующих в филологии классификаций иронии, некоторые из которых автор в дальнейшем использует для построения собственного аппарата исследования. Таким образом, рассмотренные в этой главе данные служат не объектом исследования, а выполняют инструментальную функцию, поэтому говорить об изучении здесь некой картины мира не стоит. Целесообразнее было бы ограничиться вторым элементом названия главы «Виды и функции иронии».

Все высказанные замечания носят сугубо частный характер и отнюдь не снижают общего благоприятного впечатления от диссертационного исследования и его высокой оценки.

Автореферат диссертации и сорок шесть публикаций автора, включая монографию и семнадцать статей в ведущих рецензируемых научных журналах из перечня ВАК, адекватно отражают специфику исследования. Работа прошла достаточную апробацию на ряде научных конференций в различных регионах России и за рубежом.

Диссертация К.М. Шилихиной является завершенным научным исследованием, вносит вклад в развитие корпусной лингвистики, прагмалингвистики, лингвокогнитологии, семантики, теории дискурса и общей стилистики, отвечает требованиям к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук, сформулированным в «Положении о порядке присуждения ученых степеней», и паспорту специальности 10.02.19. Методы, использованные в работе, соответствуют поставленным в ней задачам, материал исследования достаточен, выводы сомнений не вызывают.

Считаю, что К.М. Шилихина заслуживает присуждения искомой
ученой степени доктора филологических наук по специальности
10.02.19 – теория языка.

Официальный оппонент:

заведующий кафедрой «Общественные
науки и профессиональная коммуникация»
федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Московский государственный
университет путей сообщения»

доктор филологических наук, профессор Г.Г. Слышкин

127994, ГСП-4, Москва, ул. Образцова, д 9, стр. 9

Тел.: 8-905-579-33-55

ggsl@yandex.ru

